

В. А. Соломонов

**ИЗ ИСТОРИИ
КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

На протяжении всей дореволюционной истории Саратовского университета, действовавшего в составе одного медицинского факультета, его администрацией совместно с городскими и общественными организациями неоднократно ставился перед Министерством народного просвещения вопрос об открытии в нем недостающих факультетов (историко-филологического, физико-математического и юридического), но каждый раз их ходатайства наталкивались на глухое сопротивление правительственных чиновников¹.

Конструктивное решение насущной проблемы наметилось только летом 1916 г., когда средние учебные заведения стали буквально задыхаться от острой нехватки преподавательских кадров по общеобразовательным дисциплинам. Однако существенно изменить положение дел в этом вопросе царский министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев не успел. Лишь министр А. А. Мануйлов объявил о принятом Временным правительством окончательном решении – «открыть с 1 июля 1917 года в составе Саратовского университета физико-математический и историко-филологический факультеты»², а чуть позже и четвертый факультет – юридический³. С открытием новых факультетов профессорско-преподавательский коллектив Саратовского университета пополнился многими видными деятелями отечественной науки и высшего образования.

Заметную роль в начавшемся процессе играл историко-филологический факультет, который, по мнению М. Е. Сергеенко, «был в первые годы своего существования превосходным»⁴. Работать на нем изъявили желание ученые из Петрограда, Москвы, Томска и других крупных научных центров, в основном талантливая молодежь, но также «и люди постарше, уже не новички в науке, уже богатые своим опытом и в исследовательской, и в преподавательской работе»⁵. Разные по возрасту, характеру, мировоззрению, все они с завидным

¹ Подробнее см.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999. С. 147–153.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 154. Д. 518. Л. 115.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 34.

⁴ *Сергеенко М. Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 295.

⁵ Там же.

энтузиазмом и рвением принялись за строительство основ саратовской гуманитарной науки, мечтая сделать факультет настоящим «научным центром края, придать его научному облику свое особое выражение»⁶. Благодаря этим людям, их самоотверженной и созидательной деятельности, «прекрасные традиции старой русской науки, казалось, прочно утверждались на юном факультете, который чуть не на границе Азии становился достойным преемником старых славных научных центров»⁷.

Из существовавших в то время на историко-филологическом факультете отделений самым сильным по научному составу и более всего привлекавшим студенческую молодежь, по общему признанию современников, являлось отделение русской истории.

Действуя вот уже более 80 лет (не считая 1931–1935 гг., когда подготовка специалистов-историков в Саратовском университете не велась), кафедра не раз подвергалась всевозможным, причем не всегда оправданным, изменениям. Трижды менялось ее название: русской истории (1917–1922 гг.), истории СССР (1923–1963 гг.), истории СССР досоветского периода (1963–1991 гг.), истории России (с 1991 г.). С апреля 1919 по 1922 г., в связи с изменением по решению Наркомпроса РСФСР структуры гуманитарного образования, наряду с другими историческими кафедрами, она входила в состав вновь созданного факультета общественных наук (ФОН). В 1922 г., после очередной реорганизации университета, кафедра русской истории (позже – истории СССР) вместе со всем историческим (затем – общественно-экономическим) отделением была включена в состав педагогического факультета, в сентябре 1931 г. выделенного в самостоятельный институт. И только с возрождением в 1935 г. в Саратовском университете исторического образования она вновь заняла в нем свое достойное место⁸.

С 1917 по 1920 г. во главе ее стоял воспитанник петербургской школы, прошедший научную подготовку под руководством прославленного русского историка А. С. Лаппо-Данилевского, профессор Василий Иванович Веретенников (1880–1942).

Не будучи блестящим лектором, В. И. Веретенников оказался вместе с тем опытным педагогом-наставником и талантливым руководителем семинарских занятий⁹. Подробных воспоминаний, свидетельствующих о педагогическом даре ученого, современники после себя, к сожалению, не оставили. Но и по отрывочным, далеко не полным сведениям, мы способны составить довольно четкое о том представление.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ См.: Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 6–12.

⁹ По свидетельству современников, В. И. Веретенников производил на окружающих довольно странное впечатление. «Такого неустойчивого, нетвердого в своих решениях человека, – отзывался о нем Н. К. Пиксанов, – я еще не наблюдал в академической среде. Он напоминает мне дряхлого балетомана, который уже плохо видел и слышал и на вопрос: какого он мнения о новой балерине – осторожно спрашивал: а другие какого мнения? И когда ему отвечали, что другие разного мнения, то он неспешно заявлял: ну и я того же мнения». А работавший с ним рядом С. Н. Чернов, в свою очередь, замечал: «...отлично ведет занятия один Вас[илий] Ив[анович] Веретенников: плохой лектор, он оказался прекрасным руководителем [семинарских] занятий» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 3; Д. 4540. Л. 22 об.)

Наиболее ярко и цельно эти качества профессора смогла запечатлеть и донести до нас бывшая студентка историко-филологического факультета Саратовского университета, а впоследствии доктор исторических наук Е. Н. Кушева (1899–1990). Ей посчастливилось заниматься в двух семинарах В. И. Веретенникова: «на первом курсе – в семинаре «Интерпретация ученых мнений» (его задачей, не вполне отвечавшей названию, было научить будущих историков точно излагать мнение исследователя по какому-либо вопросу) и на втором – в спецсеминаре «Крестьянство России в эпоху Петра Великого»¹⁰. От работы в последнем у Е. Н. Кушевой остались особенно сильные впечатления. По ее признанию, «почти весь учебный год был посвящен глубокому анализу одного указа Петра Великого – о введении подушной подати <...>. Надо было вдумываться в каждое слово, в каждый термин. В итоге слалось понимание значения этой податной реформы» для развития крепостного права в России¹¹. Благодаря такому скрупулезному текстологическому разбору исторического документа студенты шаг за шагом постигали азы важнейшего элемента любого исторического исследования – технику источниковедческого анализа.

С именем В. И. Веретенникова неразрывно была связана и работа членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии «по спасению погибавших архивов, принявшая особенно большие размеры в 1918 г. Протекая в чрезвычайно тяжелых условиях, она, – по свидетельству Е. Н. Кушевой, – отнимала у членов Комиссии все силы и средства, но своим результатом имела спасение от гибели и сохранение для потомства большого числа архивов учреждений, ликвидированных после Февральского и Октябрьского переворотов. Эта работа закончена была Комиссией весной 1918 г., когда в Саратове учрежден был Губархив, в ведомство которого и поступили спасенные архивы...»¹².

В 1920 г., приняв предложение занять пост заведующего государственными архивами Украины, В. И. Веретенников переехал на постоянное жительство в Харьков, а освободившуюся в Саратовском университете кафедру русской истории возглавил другой представитель петербургской школы – профессор Павел Григорьевич Любомиров (1885–1935).

Войдя в университетский коллектив молодым, но уже сложившимся ученым, виртуозно владевшим техникой исторического исследования и опубликовавшим к тому времени немало интересных работ¹³, в том числе знаменитую монографию о Нижегородском ополчении 1611–1613 гг.¹⁴ П. Г. Любомиров очень скоро стал одной из самых крупных и авторитетных фигур не только на своей кафедре, но и на всем факультете.

Главной темой его научно-исследовательской работы в саратовский период была социально-экономическая история России эпохи феодализма, особенно история русского народа, промышленности и торговли XVII–XVIII вв.

¹⁰ Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете: Страницы воспоминаний // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 117.

¹¹ Письмо Е. Н. Кушевой А. И. Доватуре от 16 января 1982 г. // Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Архив СПбФ ИРИ РАН). Ф. 17 (А. И. Доватур). Оп. 3. Д. 105. Письмо № 9.

¹² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 39.

¹³ См.: Список печатных работ П. Г. Любомирова / Сост. Е. П. Подъяпольская // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 252–255.

¹⁴ См.: Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917. Эта работа 10 декабря 1917 г. автором была представлена и защищена в Совете Петроградского университета как магистерская диссертация.

Разрабатывая совершенно новое для себя исследовательское направление, П. Г. Любомиров продолжал успешно заниматься и в русле своих прежних научных увлечений, связанных с изучением Смутного времени и историей старообрядчества и сектантства.

Будучи прирожденным педагогом, П. Г. Любомиров стремился построить свою работу на факультете таким образом, чтобы она объединяла в себе одновременно и исследовательские, и учебные задачи. Посредством лекций, вспоминал С. Н. Чернов, ученый сначала представлял слушателям «глубоко продуманную и тонко выполненную конструкцию русского исторического процесса», после чего «огромную долю своего внимания и труда он отдавал практическим занятиям».

«Большой мастер этого дела, – замечал далее его друг и коллега по кафедре, – он ставил для своих семинарских занятий разнообразные темы, брал в качестве источников всевозможный материал, преследуя при этом различные педагогические и научно-исследовательские задачи. Но все семинарии в своем основном содержании всегда преследовали одну и ту же цель: научить участника студента научно-исследовательской работе»¹⁵.

В личности П. Г. Любомирова современников в не меньшей степени поражало еще одно весьма редкое качество – его бережное и любовное отношение к университету, который он всегда ставил очень высоко и с которым непременно связывал многие свои планы и надежды. «Не жалея времени и сил, – писал по этому поводу С. Н. Чернов, – он охотно, без сожаления и жалоб, отдавал ему свой труд и нервы и вошел во все стороны его жизни и работы. Он умел и других заставить беречь и любить университет, дорожить им и приносить ему в дар свое время и свои силы»¹⁶.

Однако в атмосфере тяжелого идеологического удушья, нависшей над университетом в конце 1920-х гг., работать с полной отдачей сил питомцам дореволюционной исторической школы становилось все более и более сложно. Характеризуя события того времени, С. Н. Чернов 12 декабря 1927 г. писал С. Ф. Платонову: «...о, если бы Вы знали, как безумно горько в Университете! Там с новою силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и сношений, – но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Меерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстрации... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное хранение в Университете духа научности! И параллельно с ростом «методических» требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...»¹⁷. Теми же тревожными думами весной 1929 г. с нескрываемым душевным волнением делился со своим

¹⁵ Чернов С. Н. Памяти историка П. Г. Любомирова // Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Д. 249. Л. 64–65.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4541. Л. 33–35

учителем и П. Г. Любомиров: «Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают недоверием. И даже не столько студенты, сколько начальство. Не чувствую, – признавался он, – чтобы мне удалось дойти до ума студентов, добиться принятия того, что я говорю, чему учу. В некоторых группах есть необходимое доверие. Другие настроены легкомысленно безразлично. Но тяжелы насупленные взоры из-под лобья, выводят из себя записки с целью уловить тебя в каких-нибудь противоречиях догме. И трудно побороть это, когда воздействие против идет за твоею спиной, или когда власть имущие открыто стараются уличить тебя в неблагонадежности»¹⁸.

В подобных условиях продолжать и дальше заниматься научно-исследовательской и педагогической деятельностью П. Г. Любомиров не мог. Поэтому 1 июня 1931 г., навсегда расставшись с Саратовским университетом, он переехал в Москву, где сразу же включился в привычный для себя ритм научной и педагогической работы. В последние годы П. Г. Любомиров был задействован в самых разнообразных исследовательских проектах. Он участвовал в составлении библиографического словаря деятелей русской революции и в разработке крупномасштабной программы «Каторга и ссылка в России»; занимался систематизацией и изучением архивных материалов в Государственном историческом музее (ГИМ); руководил работой аспирантов и сотрудничал с тремя вузами: Орехово-Зуевским педагогическим институтом (с 1932 по 1934 г.), Историко-архивным институтом и Институтом философии, литературы и истории (с 1934 по 1935 г.)

Представление о кафедре русской истории на раннем этапе ее развития не будет выглядеть вполне завершенным, если не вспомнить здесь о других ее сотрудниках – зачинателях целого ряда научных направлений, до сих пор продолжающих свое существование.

Среди тех, кто особенно много потрудился во славу отечественной исторической науки и непосредственно самой кафедры в годы ее организационного становления, был видный российский историк, стоявший у истоков советского декабристоведения и заложивший в Саратове основы научного краеведения, профессор Сергей Николаевич Чернов (1887–1942).

Саратовский период его научно-педагогической деятельности, длившийся 11 лет (с 27 ноября 1917 по 1 октября 1928 г.), имел чрезвычайно интенсивный и многоплановый характер. В этом наглядно убеждает нас разнообразная тематика учебных курсов и семинарских занятий, которая была положена ученым в основу работы со студенческой аудиторией. В первом 1917/18 учебном году им был прочитан курс лекций, отражавший в основном его научно-исследовательские интересы дореволюционных лет: «История литовско-русского государства до 1569 г.» и «История Среднего и Нижнего

¹⁸ Письмо П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову за 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 38об.–39об. Опасения ученых оказались пророческими. После обыска у П. Г. Любомирова, произведенного Управлением ОГПУ по Нижне-Волжскому краю 2 ноября 1930 г., он и находившийся в то время в его квартире С. Н. Чернов были арестованы. Полмесяца провели они в саратовской тюрьме, после чего были освобождены без каких-либо последствий, но подозрительные взоры в свою сторону историки ощущали до конца жизни. (См.: *Андреева Т. В., Смирнова Т. Г.* 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова (Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомирову от 9–10 ноября 1935 г.) // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб., 2000. Вып. 1. С. 357; *Максимов Е. К.* К биографии Сергея Николаевича Чернова // *Историк и историография: Матер. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова.* Саратов, 1999. С. 196.

Поволжья до конца XVII в.». В дальнейшем С. Н. Чернов читал специальные курсы по исторической географии России, методологии источниковедения и истории политических движений 10–20 гг. XIX в. Будучи одним из первых отечественных исследователей, приступивших после революции 1917 г. к изучению освободительного движения в России, С. Н. Чернов активно и весьма плодотворно работал как над декабристской тематикой, так и над сбором и систематизацией архивных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского, и непосредственно участвовал в создании на саратовской земле мемориального Дома-музея его имени.

Что касается личных качеств ученого и оценки его педагогического мастерства, то выразительнее всех о них отзывалась в воспоминаниях М. Е. Сергеенко, вместе с С. Н. Черновым работавшая в эти годы в Саратовском университете: «Он был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладал «чувством истории», которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания, и очарованием, исходившим от всего его существа. <...> С[ергей] Н[иколаевич] был – явление на Руси редкое – человеком принципиальным и от убеждений своих не отрекся бы за все золото мира; не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда само понятие «родина» считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом»¹⁹.

Во многом именно эти отличительные особенности личности С. Н. Чернова – его открытость, независимость в оценке происходящего, преданность нравственным идеалам – и явились поводом для освобождения его в 1928 г. от должности профессора и изгнания из Саратовского университета. Инициатором расправы над ученым стал декан педагогического факультета В. В. Буш, который 16 февраля 1928 г. на заседании университетского Правления открыто обвинил С. Н. Чернова в том, что его преподавание «поставлено не на диалектической основе», добавив при этом, что и сам он вряд ли отвечает «условиям требований, предъявляемых к современной Высшей школе, почему устранение из университета проф[ессора] С. Н. Чернова необходимо. И что деканат в ближайшее время намерен этот вопрос поставить еще шире»²⁰. Среди других членов Правления, присутствовавших на этом злополучном заседании, несогласных с данным вердиктом, увы, не оказалось. И осенью того же года С. Н. Чернов был вынужден покинуть университет и уехать из Саратова, после чего дальнейшая жизнь и научная судьба историка были связаны с Ферганой, Горьким и Ленинградом. Основным его пристанищем в последние годы стало Детское Село (г. Пушкин), где он и скончался от голода 5 января 1942 г.²¹.

Существенный вклад в саратовскую историческую науку на раннем этапе ее развития внес также известный специалист по социально-экономической и государственно-правовой истории феодальной России, профессор Серафим Владимирович Юшков (1888–1952).

¹⁹ Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 299–300.

²⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 12–12об.

²¹ См.: Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. Указ. соч. С. 353–354.

Обширную педагогическую и общественную деятельность ученый успешно сочетал с большой научно-исследовательской работой, развивавшейся в двух основных направлениях. С одной стороны, он занимался изучением древнейших источников русского права, а с другой – разрабатывал вопрос о генезисе феодальных отношений в Древней Руси. В Саратове увидели свет его работы о древнерусских юридических сборниках XIII в., об Уставе князя Владимира, Судебнике 1497 г., а также исследования по истории феодальных отношений в Киевской Руси²².

Профессором Саратовского университета С. В. Юшков проработал девять лет, с 1919 по 1927 г., после чего был избран профессором юридического факультета Ленинградского университета, где предпринял попытку осуществить весьма важную для истории русского права задачу – издать Русскую Правду. И в 1935 г. цель эта была успешно достигнута²³.

В дальнейшем С. В. Юшков занимался научно-преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях Узбекистана, Дагестана, Свердловска и Москвы. С 1944 г. он являлся профессором Московского университета, Военно-юридической академии и Всесоюзного института юридических наук.

Характеризуя научно-учебную деятельность кафедры русской истории Саратовского университета в 1920-е гг., нельзя не упомянуть и о той роли, которую сыграл в ее жизни знаток истории местного края, опытный архивист, специалист по палеографии, бумажным водяным знакам и истории мордовского народа, профессор Александр Александрович Гераклитов (1867–1933).

Являясь с дореволюционных лет известным в городе краеведом и палеографом, с открытием историко-филологического факультета он был приглашен на преподавательскую работу в Саратовский университет. Начиная с 1918 г. А. А. Гераклитов читал курс по истории колонизации и социально-экономического развития края в XVI–XVIII вв. и вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. Во время этих занятий он широко привлекал архивные документы из коллекций бывшей Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) и поныне хранящегося в университетской библиотеке рукописного собрания профессора И. А. Шляпкина. В 1920-е гг. по инициативе А. А. Гераклитова в университете была предпринята еще одна большая коллективная работа – семинарий со студентами-историками по разработке и систематическому изучению ревизских сказок III ревизии Завального и Узинского станов Пензенского уезда. «Для выработки цифрового материала, – вспоминала о работе этого семинария Ю. А. Кузнецова, – была разработана статистическая таблица, богатый бытовой материал выносился в примечания. Перед студентами ставилась задача: помимо умения разнести все сведения сказки по пунктам таблицы и в примечания, на основе

²² См.: Юшков С. В. К истории древнерусских юридических сборников XIII в. // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1919; Его же. Исследования по истории русского права. Новоузенск, 1926. Вып. 1; Его же. Судебник 1497 г.: (к внешней истории памятника) // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1926. Т. V. Вып. 3; Его же. Феодальные отношения и Киевская Русь. Саратов, 1925; и др.

²³ См.: Юшков С. В. Русская Правда (текст по 5 ред. и 7 спискам). Киев, 1935.

проработанного материала написать историю данного (обычно разноместного) населенного пункта»²⁴.

Предпринятая А. А. Гераклитовым первая попытка освоения этих богатых архивных материалов осталась, к сожалению, незавершенной. Впрочем, отдельные ее результаты нашли свое частичное отражение в публикациях Ю. А. Кузнецовой и Е. П. Подъяпольской²⁵.

За четверть века научно-педагогической работы в Саратовском университете А. А. Гераклитов проявил себя как весьма зрелый ученый, опубликовавший 69 научных трудов по краеведению, истории мордовского народа и книговедению. Он был и навсегда останется в памяти волжан как «один из тех представителей духовных и умственных сил нашего города, чья деятельность определяла высокий интеллектуальный уровень Саратова и составляла его славу и гордость»²⁶.

Заметный след в научной жизни Саратовского университета и в целом всего Поволжского региона как археолог, краевед и организатор музейного дела оставил после себя и профессор Павел Сергеевич Рыков (1884–1942).

В 1921–1922 гг., в результате начатых им археологических раскопок и разведок в районе Саратова и Покровска, а позже в окрестностях Хвалынского, «были обнаружены многочисленные памятники различных эпох, начиная от древне-ямной культуры и кончая поздним средневековьем»²⁷. В 1924 г. детальному обследованию впервые подвергся большой курганный могильник у села Суслы Саратовской области, давший уникальный материал по сарматской культуре. Так же интенсивно велись в последующие годы археологические раскопки и в других местностях края.

Итогом всех полевых работ становились, как правило, интереснейшие музейные экспозиции и обстоятельные научные доклады самого П. С. Рыкова, с которыми он нередко выступал в археологической секции Саратовского общества краеведения. Об одном из таких выступлений ученого с восторгом отозвался его коллега по университету профессор А. А. Гераклитов.

Оценивая доклад П. С. Рыкова о результатах раскопок древнего могильника около села Армиево Кузнецкого уезда, которые он произвел со своими сотрудниками летом 1926 и 1927 гг., А. А. Гераклитов писал: «Это сообщение, которое профессор назвал предварительным, было особенно любопытно и дорого потому, что было в помещении, стены, полки и витрины которого были увешаны и заставлены наиболее интересными предметами, добытыми при раскопках, и собравшиеся послушать доклад могли своими глазами видеть то, о чем говорил докладчик, и наглядно убеждаться в правильности его утверждений». И далее, касаясь сути прозвучавшего доклада, отмечал: «Могильник около села Армиево очень велик. Его много лет уничтожают

²⁴ Кузнецова Ю. А. Александр Александрович Гераклитов: (материалы для биографии) // Учен. зап. Сарат. ун-та. Выпуск научной библиотеки, посвященный 50-летию университета. Саратов, 1959. С. 123.

²⁵ См.: Кузнецова Ю. А. К истории колонизации Сердобского уезда: (Материалы для историко-географического словаря) // Тр. Н.-В. науч. о-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2. С. 62–82; Подъяпольская Е. П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда // Изв. Краеведч. Ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. Ун-те. Саратов, 1927. Т. II. С. 145–213.

²⁶ Попкова Н. А. Александр Александрович Гераклитов: (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 107.

²⁷ Дербов Л. А. Указ. соч. С. 25.

распашкой земли под посев хлеба, большой кусок кладбища омыт весенними водами, но все же и теперь там, по мнению проф. Рыкова, не менее 600–700 могил, из которых гораздо больше ста раскопал он за два года. Раскопки дали много сот предметов домашнего обихода и особенно женского украшения, которые через сравнение с другими вещами из других мест дают нам возможность: во-1-х) точно сказать, когда жили те люди, которые хоронили своих покойников на Армиевском кладбище; во-2-х) узнать, что это был за народ и в-3-х) хоть немного заглянуть в культуру и хозяйственную жизнь этого народа»²⁸.

Блестящий педагог, умелый организатор и руководитель археологических экспедиций, П. С. Рыков воспитал и подготовил к самостоятельной научной деятельности целую когорту молодых талантливых ученых. Среди его учеников особенно выделялись своим дарованием и целеустремленностью Н. К. Арзютов, А. Н. и Е. Н. Кушевы, П. М. Козин, Т. М. Минаев, П. Д. Рау, П. Д. Степанов и И. В. Синицын.

Личная же судьба П. С. Рыкова сложилась трагично. В середине августа 1937 г. он был арестован. А 24 января 1939 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства», постановлением закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к десяти годам заключения, с местом отбытия срока во Владлаге, близ города Владивостока. Там он и умер 26 марта 1942 г., так и не дождавшись пересмотра своего дела, о чем не раз обращался с ходатайством и в Прокуратуру СССР, и лично к И. В. Сталину. Только в 1956 г., спустя 14 лет после смерти, П. С. Рыков был полностью реабилитирован²⁹. О его выдающихся заслугах смогли вновь в полный голос заговорить не только саратовцы – ближайшие преемники его научно-археологической деятельности, но и многие другие российские и зарубежные исследователи.

Подводя краткий итог работе кафедры русской истории на раннем этапе ее существования (1917–1931 гг.), необходимо прежде всего отметить средоточие в ней крупных научных и преподавательских сил, основу которых составили яркие представители петербургской исторической школы (В. И. Веретенников, П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов). Одновременно с организационным становлением кафедры, созданием ее кабинета и библиотеки на ней велась непрерывная и весьма плодотворная научно-исследовательская деятельность. В результате оформились четыре основных направления научной работы кафедры:

- История социально-экономического развития России (проф. П. Г. Любомиров);
- История государства и права Древней Руси (проф. С. В. Юшков);
- История общественного движения (проф. С. Н. Чернов и проф. П. Г. Любомиров);

²⁸ *Герасимов А. А.* Раскопки древнего могильника в Саратовской губернии // Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 38 (А. А. Герасимов). Оп. 1. Д. 81. Л. 1–2.

²⁹ См.: *Максимов Е. К., Войтенко Л. А.* Новые материалы о П. С. Рыкове и Н. К. Арзютове // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 151–152. См. также: *Малов Н. М.* П. С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н. Г. Чернышевского» // Историк и историография... Саратов, 1999. С. 231.

- Археология Нижнего Поволжья и история края (профессора П. С. Рыков, П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов и А. А. Гераклитов).

Заметную роль ученые кафедры сыграли в деле подготовки молодых специалистов, на что была нацелена разнообразная тематика руководимых ими практических занятий: семинариев по истории крестьян в России (проф. В. И. Веретенников) и по изучению экономики России середины XVIII в. на основе наказов в Екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г. (проф. П. Г. Любомиров), семинариев и спецкурсов по истории движения декабристов (проф. С. Н. Чернов), а также организация археологических экспедиций с участием студентов (проф. П. С. Рыков).

И последнее, что особенно следует выделить, – это поразительно удачный набор студентов, специализировавшихся в 1920-х гг. по русской истории. Отличной иллюстрацией тому могут служить выдержки из писем С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова к их общему учителю по Петербургскому университет – С. Ф. Платонову.

«В добавление к тому большому письму, – замечал С. Н. Чернов, – хочется сказать, какая у нас хорошая студенческая молодежь. Вы, Сергей Федорович, видели много хорошей молодежи, много ее учили, но, думается, и Вам она показалась бы отменно хорошей, необычайно удачного состава. Сколько желания работать и какие хорошие работы! Жалко порою даже уходить из аудитории, и просиживаешь в ней с охотой лишние часы. Работать же ей приходится в отчаянно тяжелых условиях общего и личного порядка». В другом письме он же с неподдельным пафосом восклицал: «Отраду <...> находишь только в работе, семье и растущей прекрасной, подлинно *золотой* (выделено автором. – В. С.), молодежи. Да, это будет крепкая и дельная интеллигенция будущего – интеллигенция-народ, чудеснейшее явление нашей современности»³⁰.

В том же ключе высказывался и П. Г. Любомиров: «Им (Саратовским университетом. – В. С.) я удовлетворен. Группа ближайших сотоварищей историков дает многое во взаимном общении. Довольно много слушателей и, главным образом, слушательниц. Среди них есть люди, с которыми очень приятно заниматься». «Настроение студенчества, – признавался в другой раз историк, – рабочее, хорошее. Радуют последние поступления, отобранные по конкурсу. Мне приходится иметь дело со II курсом; аудитория внимательная, интересующаяся. Я поднял тон изложения, вернувшись от элементарности последних лет к более серьезному чтению. Рискнул даже объявить, что зачет буду принимать по собственной программе. Не знаю, что выйдет!»³¹

Как уже отмечалось, в период с 1931 по 1935 г., в связи с образованием на базе педагогического факультета с входившим в него историческим отделением самостоятельного института, подготовка специалистов гуманитарного профиля в Саратовском университете временно была приостановлена. Работа по восстановлению исторических факультетов в университетах страны, в том числе и в Саратовском, началась лишь после того, как появилось известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Одним из ключевых пунктов этого документа стало решение о восстановлении исторических факультетов

³⁰ Письма С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 18 мая 1920 г. и 1927 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Л. 22; Д. 4541. Л. 26.

³¹ Письма П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову от 27 апреля 1921 г. и 18 октября 1926 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 21об.–22, 37–37об.

сначала в Московском и Ленинградском, а с 1935 г. и в Саратовском университетах.

Из шести существовавших на довоенном историческом факультете СГУ кафедр³² наиболее заметной и активной в научном и учебных отношениях оставалась по-прежнему кафедра истории СССР.

В течение первых четырех лет с годичным перерывом (1935–1938, 1940–1941 гг.) кафедрой истории СССР руководил воспитанник саратовской научной школы, заложенной трудами П. Г. Любомирова и С. Н. Чернова, кандидат исторических наук, доцент (с 1938 г. – профессор) Рафаил Абрамович Таубин (1906 – после 1970).

Молодому историку в первые же годы после возрождения кафедры удалось придать ее облику прежнее, казалось, навсегда утраченное значение. Были возобновлены и с учетом новых запросов советской исторической науки продолжены многие начатые еще в 1920-е гг. научно-исследовательские работы. Как и раньше, сотрудниками кафедры активно стали разрабатываться вопросы по археологии Нижнего Поволжья, истории Саратова и Саратовского края, изучаться жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, история русского крестьянства в эпоху феодализма, а также проблемы методологии истории и историографии.

Исследовательские интересы самого Р. А. Таубина простирались, главным образом, в области изучения проблем общественного движения в России в 50-е гг. XIX в. и научного краеведения. Его внимание привлекали как сюжеты исторической биографии, так и страницы из истории гражданской войны в Поволжье³³.

Научно-организаторская деятельность Р. А. Таубина не ограничивалась одним лишь руководством кафедрой истории СССР. После трагических событий 1937 г., связанных с арестом ученого-археолога и декана исторического факультета СГУ профессора П. С. Рыкова, он был вынужден временно (с 1938 по 1939 г.) возглавить обескровленный деканат и продолжить прерванную работу по укреплению учебной базы факультета и обеспечению его научно-педагогическими кадрами. Правда, уже в 1940/41 учебном году, с назначением на этот пост доцента Б. С. Зевина, ученый вновь возвратился к прежним своим обязанностям. Но на сей раз исполнять их ему пришлось недолго.

Как только стало известно о нападении на Советский Союз немецко-фашистских захватчиков, в числе многих других добровольцев Саратовского университета Р. А. Таубин отправился на фронт. Пройдя дорогами войны, в Саратов он уже не вернулся. Продолжить свою научно-педагогическую деятельность ученый решил в Ульяновском педагогическом институте, но своих научных контактов с Саратовским университетом не прервал. Об этом свидетельствует его активное участие в проходившей на базе университета 15–

³² С 1935 по 1941 г. на историческом факультете СГУ функционировали следующие кафедры: истории СССР, истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран, археологии и этнографии.

³³ См.: Таубин Р. А. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов – патриоты демократической России // Н. Г. Чернышевский: Сб. статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; Его же. Из истории борьбы с меньшевистской и эсеров-кулацкой контрреволюцией в период гражданской войны в б. Саратовской губернии // Учен. зап. Саратов. ун-та. Саратов, 1939. Т. 1 (XIV). Вып. 1; и др.

18 октября 1958 г. научной конференции, посвященной 130-й годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского³⁴.

В период с 1937 по 1940 г. на историческом факультете Саратовского университета работала и некоторое время (1939–1940 гг.) заведовала кафедрой истории СССР профессор Анна Михайловна Панкратова (1897–1957).

Ее приезд в Саратов, хотя и был фактически административно-политической ссылкой, стал для местных историков важным событием, изменившим их научно-исследовательскую и педагогическую жизнь. Будучи одним из ведущих советских историков, крупным ученым-общественником и организатором науки, «А. М. Панкратова щедро делилась со своими учениками и сотрудниками богатым опытом и знаниями, была инициатором всех научно-педагогических и общественно-политических начинаний на факультете. По ее инициативе, – вспоминал Л. А. Дербов, – при истфаке была организована аспирантура, велась интенсивная работа по повышению квалификации молодых преподавателей, защищались диссертации, печатались научные труды. <...> А. М. Панкратова в годы своего пребывания в Саратове завершила работу по подготовке к изданию известного всей стране школьного учебника по истории СССР, который потом выдержал более 20 изданий, был переведен на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран, долгое время оставался основным пособием по отечественной истории для миллионов советских детей»³⁵.

Обаятельный образ А. М. Панкратовой сохранился в памяти, пожалуй, каждого, кто знал ее лично, трудился рядом с ней или учился у нее. По отзывам современников, она умела легко объединять вокруг себя работоспособных и талантливых исследователей, чему в немалой степени способствовали ее личные качества. Исключительная требовательность к себе и к работам своих ближайших помощников, способность увлечь окружавших ее людей новой смелой идеей и постоянная готовность к самопожертвованию – все это подкупающе действовало на молодежь, вызывало в ней искреннюю потребность к труду и полной отдаче своих сил служению Российской Науке.

Работа исторического факультета не затихала и в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, когда главными задачами саратовских гуманитариев сделались изучение и пропаганда в широких слоях населения героического прошлого родной страны и борьбы нашего народа против иноземных захватчиков. Наряду с саратовскими историками к решению этих и других вопросов военного времени подключились и некоторые ведущие сотрудники московских и ленинградских вузов, которые на период эвакуации влились в сильно поредевший за годы войны профессорско-преподавательский коллектив Саратовского университета³⁶.

Весьма ценное пополнение за счет иногородних специалистов получила тогда же и кафедра истории СССР. В 1941–1942 гг. ее возглавлял известный специалист

³⁴ На этой конференции Р. А. Таубин, вероятно, выступил с докладом «Кружок Н. Г. Чернышевского и вопрос о создании революционной партии в годы первой революционной ситуации в России», текст которого позже был опубликован в сб.: «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы» (Саратов, 1961. Т. 2).

³⁵ Дербов Л. А. Указ. соч. С. 14.

³⁶ См.: Артисевич В. А. Воспоминания: Ленинградский университет в Саратове / Публ., подгот. текста и прим. А. В. Зюзина // Опыт работы Зональной научной библиотеки имени В. А. Артисевич Саратов. ун-та. Саратов, 2000. Вып. 34.

по истории России эпохи феодализма и русской историографии, профессор Московского университета Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963). Заведая университетской кафедрой, он же одновременно являлся и деканом исторического факультета СГУ, а также профессором и заведующим кафедрой истории СССР в Саратовском педагогическом институте³⁷. После него, в 1943–1944 гг., кафедрой истории СССР Саратовского университета руководил другой видный российский ученый, крупный знаток социально-экономических проблем и классовой борьбы в России в эпоху феодализма, истории русской государственности и военной истории России, профессор Ленинградского университета Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987).

Имея за плечами богатый опыт научно-исследовательской и педагогической работы, названные ученые, хотя и представляли различные высшие учебные заведения, в бытность свою в Саратове приложили максимум усилий и знаний в деле популяризации военно-патриотических традиций отечественной истории. В подтверждение этого достаточно упомянуть основанный на обширном материале доклад Н. Л. Рубинштейна «Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века», прочитанный им в 1943 г. на кафедре истории СССР СГУ, или его же брошюру «Полководческое искусство Суворова»³⁸. Кроме того, следует указать на целую серию статей и брошюр В. В. Мавродина, в которых в доступном для массового читателя стиле излагались сложные научные проблемы истории восточного славянства до IX в. и образования Древнерусского государства³⁹.

В 1944 г., после успешной защиты в Ленинградском университете кандидатской диссертации «Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI века», заведующим кафедрой истории СССР, а с 1963 г. – истории СССР досоветского периода становится доцент (с 1976 г. – профессор) Леонард Адамович Дербов (1909–1994).

С именем этого замечательного ученого и педагога связаны особенно значимые и переломные вехи как в жизни исторического факультета в целом, так и кафедры истории СССР в частности. Л. А. Дербов, прожив долгую и весьма насыщенную жизнь, «был свидетелем небывалых по драматизму событий отечественной истории новейшего времени, что не могло не отразиться на судьбе и взглядах историка. В его учебно-педагогических и научных трудах проявились почти все этапы советской историографии»⁴⁰.

В научном отношении особенно плодотворными оказались для Л. А. Дербова 1960–1980-е гг., когда «изучение общественно-политических и исторических взглядов Н. И. Новикова и других русских просветителей второй половины XVIII в. принесло ему докторскую степень и заслуженное уважение специалистов по XVIII веку»⁴¹.

На высоком научно-методическом уровне находилась в эти годы и его педагогическая деятельность. По воспоминаниям ученика Л. А. Дербова, профессора кафедры истории России С. А. Мезина, «курс истории СССР с

³⁷ Архив СГУ. Д. 12 (Н. Л. Рубинштейн). Л. 1, Зоб., 5.

³⁸ См.: *Рубинштейн Н. Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века // Тр. Гос. ист. музея. М., 1948. Вып. XX; *Его же.* Полководческое искусство Суворова. Саратов, 1942.

³⁹ Весь этот обширный документальный материал позже лег в основу фундаментальной монографии В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945).

⁴⁰ *Мезин С. А., Мирзеханов В. С.* Судьба российского историка в XX веке // Историк и историография... С. 3.

⁴¹ Там же. С. 4.

древнейших времен до конца XVIII в. он читал студентам-первокурсникам без перерыва 45 лет с неизменным успехом. Одна из причин популярности Леонарда Адамовича как лектора видится в его личной причастности к исследованию ряда проблем отечественной истории, а также в высокой историографической культуре ученого. Его лекторской манере присущи сдержанность и убежденность, отточенность формулировок, равновесие фактов и обобщений»⁴².

О выдающихся способностях Дербова-педагога убедительно свидетельствовало и то, что многие из его бывших учеников – студентов, кружковцев, дипломников и аспирантов – позже сами стали профессорами (И. В. Порох, В. В. Пугачев, Г. Д. Бурдей, С. А. Мезин, Н. Г. Гончаренко, О. И. Терновой и другие).

В 1970 г. Л. А. Дербова на посту заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода сменил талантливый ученый, профессор Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998).

Об уровне и основательности научной подготовки нового руководителя кафедры многое может рассказать даже обыкновенный перечень его учителей и наставников: Ю. Г. Оксман, Г. А. Гуковский, В. В. Мавродин, А. В. Предтеченский, Н. Л. Рубинштейн. В последующие годы этот список пополнился новыми именами выдающихся российских ученых, составивших целую эпоху в отечественной историографии, – С. Н. Валка и М. П. Алексеева. Общением и многолетней дружбой с этими людьми В. В. Пугачев дорожил и гордился на протяжении всей своей жизни.

Заявив о себе крупными научными исследованиями⁴³, заведующий кафедрой продемонстрировал недюжинное мастерство и на лекторском поприще. Вот как, к примеру, отзывался об этой стороне его деятельности докторант кафедры истории России А. В. Воронихин:

«Лекции Пугачева были открытиями: оригинальная постановка проблем, неожиданное прочтение источников, образные (зачастую звучащие злободневно) сравнения, феноменальная память, широчайшая эрудиция притягивали к ученому самых разных людей, производили неизгладимое впечатление. Тихим, завораживающим, чуть с хрипотцой голосом он погружал аудиторию в атмосферу своих мыслей и увлекал в исследования, участником которых становился каждый слушатель. Времена и люди пересекались в историческом пространстве и рождались откровения. Популярность Пугачева среди студентов была потрясающей. К нему искренне тянулись, общением с ним дорожили, о его рассеянности сочиняли истории, его любили и за глаза называли «В. В.»

Скромный костюм, неизменный выдавший виды портфель, в котором с едой для любимой собаки могла соседствовать рукопись, неторопливая походка доброго человека в очках с подслеповатым взглядом мудреца – таким запечатлелся в памяти многих образ профессора В. В. Пугачева, ученого от Бога»⁴⁴.

⁴² Мезин С. А. Ровесник университета: (К 80-летию Л. А. Дербова) // Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сб. статей молодых историков Саратова. Саратов, 1991. С. 21.

⁴³ См.: Библиографический указатель печатных работ В. В. Пугачева // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 17–26.

⁴⁴ Воронихин А. В. Памяти В. В. Пугачева // Историографический сборник. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 246.

Девятым по счету и последним по времени руководителем кафедры истории СССР досоветского периода, с 1991 г. носящей современное название – истории России, был избран в 1975 г. доктор исторических наук, профессор Николай Алексеевич Троицкий (род. в 1931 г.).

За годы своего заведования кафедрой, продолжающегося уже 26 лет, ученым опубликовано более трехсот научных трудов, из них книг (монографий, учебников, учебных пособий) – 21⁴⁵. Все они так или иначе представляют четыре главные в его творческой деятельности научные направления:

- историю народнического этапа освободительного движения, и в частности, политические процессы в Российской империи 60–90-х гг. XIX в.;
- внешнюю политику России XIX в., главным образом историю Отечественной войны 1812 г.;
- историю отечественной исторической мысли и науки;
- историю культуры России XIX в.

Будучи весьма активным ученым-исследователем, Н. А. Троицкий пользуется еще и заслуженной репутацией блестящего педагога. По признанию многих его студентов-дипломников и аспирантов, он «никогда не навязывает ученикам своих мнений, щедро делится знаниями и всегда готов помочь советом. Борясь за свободную мысль в науке, он ценит самостоятельность и творческое начало в других, и даже принципиальные споры никогда не заканчиваются авторитетным вердиктом и тем более «оргвыводами». <...> Главным делом Троицкого-профессора, бесспорно, являются его лекции. Он давно и прочно завоевал славу одного из лучших лекторов университета, читая с равным успехом как студентам, так и широкой публике. <...> Логика и образность идут в них рука об руку, никогда не расставаясь, его экспромты неожиданны, а импровизации – оригинальны. Троицкий редко отдается на волю фантазии; его курс всегда выверен, время определено, размеренным, чуть глуховатым голосом он твердо ведет повествование к намеченной цели. Такие лекции оставляют сильное впечатление и всегда имеют успех у слушателей»⁴⁶.

В полной мере Н. А. Троицкий обладает и научно-организаторским даром. Под его руководством на кафедре вот уже который год ведется планомерная и полномасштабная разработка трех основных общекафедральных научных направлений.

Первым по значимости и богатству исследовательскими традициями с момента основания кафедры и до наших дней остается история освободительного движения в России от преддекабристской эпохи до 1917 г. Заложенное трудами известного ученого-декабристоведа профессора С. Н. Чернова⁴⁷, данное научное направление получило дальнейшее свое развитие в работах ведущих профессоров кафедры Л. А. Дербова (просветительство в России конца XVIII в.⁴⁸), В. В. Пугачева (декабристы⁴⁹),

⁴⁵ См.: Список научных трудов Н. А. Троицкого // Историографический сборник. Саратов, 1994. Вып. 16. С. 21–32.

⁴⁶ Воронихин А. В., Чернышевский Д. В. Судьба российского историка: (к 60-летию Н. А. Троицкого) // Историографический сборник. Саратов, 1994. Вып. 16. С. 20–21.

⁴⁷ См.: Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма / Введ. и коммент. И. В. Пороха и Б. Е. Сыроечковского. Саратов, 1960.

⁴⁸ См.: Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974; *Его же*. В. И. Ленин о просветительстве и просветителях // Историографический сборник. Саратов, 1984. Вып. 11. С. 27–41; *Его же*. Основные черты просветительского направления в русской историографии второй половины XVIII века // Историографический сборник. Саратов, 1989. Вып. 14. С. 68–86; *Его же*. Просветители XVIII века в борьбе за

И. В. Пороха (1922–1999) (декабристы, Герцен и Чернышевский⁵⁰), В. В. Широковой (народничество⁵¹), М. С. Персова (1903–1982) (социал-демократы⁵²) и Н. А. Троицкого (политические процессы в России⁵³). Этому научному направлению соответствует и основанный в 1971 г. В. В. Пугачевым и ныне редактируемый Н. А. Троицким межвузовский сборник научных трудов «Освободительное движение в России». Главной отличительной особенностью этого издания является то, что в каждом его выпуске «печатаются материалы не только о революционерах (главным образом), но и о либералах, консерваторах, реакционерах – словом, обо всех, кто участвовал в освободительном движении, взаимодействовал с ним и боролся против него»⁵⁴. В качестве авторов в нем активно участвуют не только сотрудники кафедры, но и многие иногородние специалисты, в том числе ученые из-за рубежа.

Другим традиционным для кафедры научным направлением является история отечественной исторической мысли, науки и университетского образования в России XVIII–XX вв., в котором особенно велик вклад профессоров Л. А. Дербова, И. В. Пороха, М. С. Персова, Г. Д. Бурдея (1919–1999) и С. А. Мезина. Определенных результатов в этом плане достиг в последние годы и доцент В. А. Соломонов⁵⁵.

развитие русской культуры // Историографический сборник. Саратов, 1994. Вып. 16. С. 121–138; *Его же*. Просветители XVIII века о русском народе // Историографический сборник. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 44–55; и др.

⁴⁹ См.: *Пугачев В. В.* Из пропагандистской деятельности декабриста М. Ф. Орлова в 1820–1822 гг. // Науч. ежегодник СГУ за 1954 год. Саратов, 1955. С. 90–94; *Его же*. Декабрист М. Ф. Орлов и Московский съезд Союза благоденствия // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1958. Т. 66. С. 82–115; *Его же*. (в соавт. с Ю. Г. Оксманом). Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999; и др.

⁵⁰ См.: *Порох И. В.* Восстание Черниговского полка // Очерки истории движения декабристов. М., 1954. С. 121–185; *Его же*. О так называемом «кризисе» Южного общества декабристов // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1956. Т. 47. С. 111–149; *Его же*. Деятельность декабристов в Москве (1815–1825 гг.) // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 9–106; *Его же*. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963; Дело Чернышевского: Сб. документов / Подг. текста, вв. ст. и коммент. И. В. Пороха. Саратов, 1968 и др.

⁵¹ См.: *Широкова В. В.* Возникновение народовольческой организации в Харькове // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964; *Ее же*. Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX века. Саратов, 1972; и др.

⁵² См.: *Персов М. С.* К вопросу о перемещении центра революционного движения в Россию // Учен. зап. Сарат. ун-та. Харьков, 1956. Т. 47; *Его же*. В. И. Ленин о некоторых особенностях развития России в конце XIX – начале XX в. // Историографический сборник. Саратов, 1962. С. 34–51; и др.

⁵³ См.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976; *Его же*. Безумство храбрых: (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.). М., 1978; *Его же*. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1983, и др.

⁵⁴ *Троицкий Н. А.* Прямой ответ на «круглый стол» // Освободительное движение в России. Саратов, 2000. Вып. 18. С. 5.

⁵⁵ См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983; *Его же*. Историографические исследования ученых Саратовского университета // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12. С. 50–66; *Его же*. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII века. Саратов, 1987; *Его же*. Проблемы славяноведения и балканистики в трудах саратовских историков // Историографический сборник. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 122–137; *Порох И. В.* Некоторые вопросы истории общественного движения в России первой половины XIX столетия в работах саратовских исследователей // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1960. Т. 68. С. 15–38; *Его же*. (в соавт. с

Исконно кафедральным научным направлением, несмотря на недавно образованную в университете кафедру историографии, региональной истории и археологии и уход на нее доцентов М. В. Булычева, Е. К. Максимова, Н. М. Малова и В. А. Лопатина, считается также история Саратовского Поволжья с древнейших времен до 1917 г. Основанное деятельностью профессоров П. Г. Любомирова, С. Н. Чернова, А. А. Гераклитова, П. С. Рыкова и И. В. Сеницына⁵⁶, данное направление было развито затем Р. А. Таубиным, В. А. Осиповым, В. В. Широковой, И. В. Порохом⁵⁷, а ныне представлено их учениками: М. В. Булычевым, Е. К. Максимовым, А. В. Воронежцевым, В. П. Тотфалушиным, В. А. Соломоновым⁵⁸ и другими.

Такова общая канва и главные особенности развития кафедры истории России Саратовского государственного университета с момента ее основания в 1917 г. и до современности. За более чем 80-летний период своей истории она пережила как творческие победы, так и человеческие трагедии, нередко лишавшие ученых не только их ученых званий и должностей, но и самой жизни в сталинских лагерях. Однако выпавшие на долю саратовских историков

Е. И. Покусаевым). Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых // Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Т. 2. С. 305–324; *Персов М. С.* Обобщение и использование исторического опыта в работах В. И. Ленина. Саратов, 1970; *Бурдей Г. Д.* Историк и война. 1941–1945. Саратов, 1991; *Его же.* Историческая литература в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Вып. 1: Историческая периодика; Вып. 2: Библиографический указатель книг и брошюр; Вып. 3: Историческая книга: Системный анализ (в соавт. С. Ю. Наумовым). Саратов, 1995; *Мезин С. А.* Русский историк И. И. Голиков. Саратов, 1991; *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999; *Его же* (в соавт.). Профессора и доктора наук Саратовской области, 1909–1999: Библиографический справочник: В 8 т. Т. 1: 1909–1917. Саратов, 2000.

⁵⁶ См.: *Любомиров П. Г.* К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Тр. Н.-В. обл. научн. О-ва краеведения. Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 32–53; *Его же.* Нижнее Поволжье полтора столетия назад // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 1. С. 21–31; *Его же.* Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века // Тр. Н.-В. обл. научн. О-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 3. С. 3–78; *Чернов С. Н.* Н. Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии // Н. Г. Чернышевский: Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926. С. 170–196; *Его же.* Семья Чернышевских // Изв. Краеведч. Ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. ун-те. Саратов, 1927. Т. II. С. 215–242; *Гераклитов А. А.* Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов, 1919 (2-е изд. 1923 г.); *Его же.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; *Его же.* Саратовская мордва: (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Изв. Краеведч. Ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. ун-те. Саратов, 1926. Т. I. С. 137–155; *Рыков П. С.* Нижнее Поволжье по археологическим данным (1926–1927 гг.). М.-Саратов, 1929; *Его же.* Очерки по истории мордвы по археологическим материалам. М., 1933; *Его же.* Очерки по истории Нижнего Поволжья: По археологическим материалам. Саратов, 1936; *Сеницын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // Памятники Нижнего Поволжья. М., 1959. Т. 1; *Его же.* Древние памятники в Низовьях Еруслана // Памятники Нижнего Поволжья. М., 1960. Т. 2.

⁵⁷ См.: *Таубин Р. А.* Культурное строительство в Саратовской области: (Народное образование, здравоохранение, искусство). Саратов, 1939; *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края (конец XVI–XVII вв.). Саратов, 1976; *Его же.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985; *Широкова В. В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов, 1976; Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. Т. 1; Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1; Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2.

⁵⁸ См.: *Максимов Е. К.* Имя твоей улицы. Саратов, 1986; *Его же.* (в соавт. с В. Х. Валеевым). Саратов на старых открытках. Саратов, 1990; *Соломонов В. А.* Революционное студенческое движение в Саратове 1910–1917 годов. Саратов, 1991; *Зернов В. Д.* Записки русского интеллигента / Подгот. публ., предисл. и коммент. В. А. Соломонова. // Волга. Саратов, 1993. № 7–11; 1994. № 2–7; *Булычев М. В., Воронежцев А. В., Максимов Е. К., Тотфалушин В. П.* История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года / Под общ. ред. В. П. Тотфалушина. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2000; и др.

тяжелые испытания не смогли в конечном счете истребить у них твердого желания и впредь честно делать свою работу, добиваться новых научных результатов и готовить себе талантливую молодую смену. И, как показало время, заложенные на кафедре славные научные традиции не только не канули в Лету, но, став достоянием новых поколений, получили еще большее развитие.